

БИБЛИОТЕКА ПО МАГНЕТИЗМУ.

Проф. Ж. Фабіусъ де-ШАНВИЛЛЬ.

КАКЪ ПЕРЕДАТЬ СВОИ МЫСЛИ
ЗАМѢТКИ И СВИДѢТЕЛЬСТВА О ТЕЛЕПАТИИ
ИЛИ
ПЕРЕДАЧѢ МЫСЛЕЙ.

издание Книгоиздатель-
ства по Магнетизму Э. С.
Биссаго. ○ Киевъ, Прорывная ул., 30.
○ Телефонъ № 15—82.

БИБЛИОТЕКА ПО МАГНЕТИЗМУ.

Проф. Ж. Фабіусть де-ШАНВИЛЛЬ.

**КАКЪ ПЕРЕДАТЬ СВОИ МЫСЛИ;
ЗАМѢТКИ И СВИДѢТЕЛЬСТВА О
ТЕЛЕПАТІИ
ИЛИ
ПЕРЕДАЧѢ МЫСЛЕЙ.**

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Переводъ съ 2 французскаго изданія.

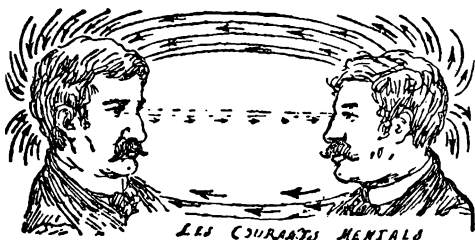
Подъ редакціей м-ра З. С. Бисскаго.

Бывшаго ассистента Парижской Магнетической Клиники.

ИЗДАНИЕ книгоиздательства по МАГНЕТИЗМУ
З. С. БИССКАГО.

Кіевъ, Прорѣзная ул., д. № 30. кв. 3. Телефонъ № 15—82
1913.

**Репринтное издание
1913 г.**

Обмѣнъ мысленныхъ теченій.

I.

Передача мыслей.

Эпоха увлеченія таинственнымъ далеко не закончилась...

Наоборотъ, если мы называемъ таинственнымъ все то, что превосходитъ наше пониманіе, то мы во всякомъ случаѣ скорѣе призваны жить въ области таинственнаго.

Вмѣсто того, чтобы отрицать чудеса, лучше было бы ихъ объяснять, что вполне возможно, такъ какъ, кстати сказать, магнетизмъ способствуетъ намъ производить наши изслѣдованія.

Тайны природы, физики, химіи были необъяснимы и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, еще думали, что завѣса, скрывавшая отъ смертныхъ объясненіе ихъ, никогда не подымется.

Но завѣса храма частью уже разорвана; путь къ неизвѣстному расчистился; горизонтъ человѣческихъ познаній значительно расширился.

И въ настоящее время чудеса случаются нерѣдко, и если не удастся объяснить ихъ вполне и подробно, то все таки можно хотя отчасти понять ихъ происхожденіе, ходъ и развитіе.

Каждый годъ, иногда даже каждый мѣсяцъ приносятъ новое открытіе, вокругъ котораго блуждали вѣками.

Наука идетъ большими шагами къ вершинамъ, которыя считались недоступными.

Преклонившись передъ методами Лавуазье, всѣ съ большимъ изумленіемъ стали превозносить Бертолета, и атомистическая теорія замѣнила устарѣлыя объясненія, которыя, прежде казались намъ простыми и ясными, (въ теченіе пятилѣтій служили толкованіями законовъ, всецѣло допустимыхъ).

Гипотетическіе выводы дѣлають остальное, и, дѣйствительно, для человѣка больше не существуетъ таинственныхъ вещей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ еще недостаточно изслѣдовалъ.

Всѣ удивляются. Печать рукоплещеть, восхищается, осуждаетъ, критикуетъ или осмѣиваетъ.

Публика изумлена! Она вѣритъ всему. Она напрасно ищетъ платформы, которой не существуетъ.

Что же случилось, великій Боже?

Все очень просто. Явилось нѣсколько человѣкъ, которые своими опытами возстановили въ памяти факты, которые не принадлежатъ настоящему, но кажутся сверхъестественнымъ: они съ завязанными глазами читали мысли другихъ.

Чудо! Трижды чудо!—и невѣрующіе говорятъ— „Здѣсь тайное согласіе“.

Чего только не выдумывали, не говорили и не писали для объясненія этого страннаго явленія, какимъ является *передача мыслей*.

Тѣ, кто имѣетъ съ ней дѣло, объясняютъ ее неполно или ложно:

Д-ръ Фурнье приписываетъ это явленіе *символическимъ колебаніямъ*, относящимся къ категоріи почти незамѣтныхъ колебаній, которыя были такъ названы Гратіоли, и существованіе которыхъ было доказано опытами Шевреля на изслѣдовательномъ маятникѣ. Вполнѣ понятно, что въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы *читающій мысли* былъ чрезвычайно чувствителенъ къ *символическимъ колебаніямъ* своего проводника.

Чтецъ мыслей Стюартъ С. Кумберленъ.— Теперь, вотъ письмо одного изъ великихъ чтецовъ мыслей этого вѣка, Стюарта С. Кумберлена.

Оно адресовано директору журнала *Le Galois* и пытается объяснить, какъ происходитъ передача мысли.

„Милостивый Государь!

Вы спрашиваете меня, что такое чтеніе мыслей и какъ я его произвожу.

Я постараюсь удовлетворить Ваше желаніе и, насколько сумѣю, ознакомить Васъ съ этимъ.

Въ моихъ опытахъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, и ихъ не должно смѣшивать съ явленіями мнимаго ясновидѣнія.

Они просто являются составной частью чрезвычайно сильной воспримчивости, которой я обладаю, и которая по-

зволяетъ мнѣ схватывать впечатлѣнія, сообщаемыя мнѣ какимъ-нибудь лицомъ посредствомъ дѣйствія физической системы,—это единственный способъ передачи (мыслей), возможный тогда, когда кто-нибудь находится подъ вліяніемъ сосредоточеннаго вниманія.

Вы спрашиваете, почему мнѣ передача мыслей не всегда удается? Отвѣтъ очень простъ. Люди существенно различаются. Одни обладаютъ въ желаемой степени силой умственнаго сосредоточиванія, тогда какъ другіе не могутъ его достигнуть. Съ первыми если только они заслуживаютъ довѣрія—успѣхъ всегда вѣренъ; съ другими же можно часто сѣсть на мель.

Я часто встрѣчаю *субъектовъ*, которые, безъ сомнѣнія, обладаютъ способностью умственнаго сосредоточенія и отличаются неоспоримой нравственной честностью; но они не менѣе безчестны съ физиологической точки зрѣнія. Они обѣщаютъ хорошо сосредоточить свою мысль; но, во время опыта, они размышляютъ о своей собственной теоріи и всячески стараются воспрепятствовать успѣху.

Для того, чтобы мнѣ удалась передача мысли, концентрація ея на какомъ-нибудь избранномъ лицѣ или предметѣ является *необходимымъ* условіемъ.

Никто не можетъ имѣть въ умѣ одновременно двѣ господствующія мысли. Господствующую мысль, которая мнѣ нужна, повторяю, долженъ составлять такой-то предметъ или такое-то лицо.

Но съ момента, когда *субъектъ* говоритъ самъ про себя: „г. Кумберленъ не можетъ сдѣлать этого, я не позволю чтобы онъ это сдѣлалъ!“—тогда, я увѣряю, именно эта послѣдняя мысль господствуетъ въ его умѣ, а не тотъ предметъ, о которомъ онъ долженъ думать.

Напримѣръ, дипломаты не отличаются особенно своей *физиологической честностью*, по крайней мѣрѣ, я въ этомъ убѣдился на опытѣ.

Вы хотите знать, можетъ ли первый попавшійся читать мысли. Почему нѣтъ? Вѣдь я устроенъ такъ же, какъ и другіе люди. Въ моей личности нѣтъ ничего сверхъестественнаго, и я не исполняю при этомъ спеціальнаго назначенія, которое бы не зависело отъ природы.

Правда, нѣкоторые люди, считающіе это сверхъестественнымъ, хотѣли бы мнѣ приписать эту роль, потому что имъ очень хочется видѣть меня исполняющимъ ее. Но все-таки я знаю самъ себя лучше, чѣмъ кто-бы то ни было и стараюсь быть такимъ, каковъ я есть. Я не требую, чтобы меня считали за Калиостро.

Многіе, обладая исключительной силой воспримчивости, сдѣлались хорошими учениками.

Для примѣра я укажу только на Карла Гарнье, который будучи сперва моимъ *субъектомъ*, потомъ самъ началъ оперировать.

Безусловно, я счастливъ тѣмъ, что приобретаю приверженцевъ, вездѣ, гдѣ я работаю, такъ какъ эти практическія обращенія служатъ лучшимъ доказательствомъ чисто-натуральнаго характера моихъ опытовъ.

Однако самыя высокія проявленія умственной интерпретаціи, какъ напримѣръ, чтеніе шифровъ и словъ, не легко достигаются новичками, и до сихъ поръ я не нашелъ, никого, кому удалось бы воспроизвести нѣкоторые опыты, которыхъ я былъ инициаторомъ.

Вы скажете: „Но къ чему же служатъ ваши опыты?“

И на это мнѣ легко Вамъ отвѣтить: чѣмъ больше намъ удастся доказать неограниченное вліяніе ума на тѣло, тѣмъ больше намъ будетъ обязана наука. Въ самомъ дѣлѣ, этого рода опыты имѣютъ неоцѣнимое значеніе для физиологіи. Тѣло какъ бы является *счетчикомъ* ума.

Находясь подъ вліяніемъ сосредоточеннаго вниманія, тѣло до такой степени подчиняется власти ума, что именно оно думаетъ или, скорѣе, выражается одновременно съ умомъ.

Подумайте о всѣхъ выгодахъ, которыя могли бы извлечь изъ этой науки судья, адвокатъ, присяжный!

Почему же не развивать этотъ природный даръ воспримчивости? Когда физическая система столь ясно выражаетъ то, что происходитъ въ умѣ, почему не извлечь лучшую часть изъ этого средства воспримчивости, переводя, способомъ указаннымъ мною выше, точную мысль, которая господствуетъ въ мозгу какого нибудь индивидуума въ данный моментъ?

Несомнѣнно, я думаю, намъ никогда не удастся читать отвлеченныя мысли, а только мысли чисто матеріальнаго порядка. Но уже этого было бы достаточно, чтобы оказать неоспоримыя услуги, при условіи, все таки, когда дѣйствуютъ надлежащимъ образомъ“.

Прежде чѣмъ отвѣтить на нѣкоторыя мысли этого письма, мы приведемъ достовѣрный отрывокъ, подтверждающій подвигъ другого угадывателя мыслей, подвигъ, отмѣченный всей прессой. Рѣчь идетъ о Заморѣ.

Замора (Карль Бурже).—Рассматривая фактъ, совершенный Заморой, мы не будемъ входить въ подробно-

сти; нижеслѣдующаго письменнаго свидѣтельства, намъ кажется, будетъ достаточно во всѣхъ отношеніяхъ.

„Приблизительно два мѣсяца тому назадъ въ Пэмбефѣ была совершена кража на 230 франковъ. Былъ составленъ протоколъ, но денегъ не могли найти. Послѣ многихъ безплодныхъ розысковъ, для всѣхъ стало ясно, что потерпѣвшій уже никогда не вернетъ украденной у него суммы, какъ вдругъ въ субботу 15-го сентября въ Пэмбефѣ пріѣхалъ Карлъ Бурже, иначе называемый Заморой. Я имѣлъ случай убѣдиться въ чудесной способности, которой былъ одаренъ этотъ человекъ, и онъ охотно согласился найти мѣсто, гдѣ были спрятаны деньги, о которыхъ идетъ рѣчь.

Придя затѣмъ въ общеніе съ воромъ, Замора сразу прочелъ въ мысляхъ послѣдняго, если можно такъ выразиться, и сказалъ мнѣ, что онъ видитъ деньги спрятанными возлѣ *блонъ*, на пустой землѣ. Онъ прибавилъ, что эти деньги находятся въ сумкѣ изъ синяго холста, что тамъ есть золотыя и серебрянныя монеты, и что тамъ находится не вся украденная сумма.

Послѣ недолгихъ поисковъ на пустомъ пространствѣ, расположенномъ возлѣ города, Замора подошелъ къ стѣнѣ, у подножія, которой дѣйствительно были сложены блоны, поднявъ тамъ одинъ камень и досталъ изъ образовавшагося отверстія кошелекъ, какъ-разъ такой, какой онъ описывалъ— въ немъ недоставало 15 франковъ.

Я долженъ прибавить, что въ это время Замора и воръ, мысль котораго онъ наблюдалъ находились другъ отъ друга на разстояніи по крайней мѣрѣ 500 метровъ.

Г.—Ж. де-Пенепронъ

Слѣдственный приставъ.

Пэмбефъ, 25 сентября 1888 г.“

Въ данномъ случаѣ возможно, что Замора являлся ясновидящимъ въ состояніи бодрствованія, скажутъ намъ нѣкоторые противорѣчивые умы. Это возможно, возразимъ мы, но это ясновидѣніе, на которое вы ссылаетесь, въ состояніи бодрствованія является просто-на-просто *передачей мысли* похожей на ту, которая представляется намъ при магнетическихъ опытахъ, когда субъекту мысленно повелѣваютъ сдѣлать то-то или то-то.

Мы приведемъ еще одно свидѣтельство, касающееся другого *угадывателя мыслей*.

Чтобы избѣжать малѣйшаго недоумѣнія со стороны читателей, мы добросовѣстно перепишемъ слѣдующую статью,

появившуюся въ журналѣ, настроенномъ скорѣе противъ нашихъ идей и отличавшемся своимъ скептическимъ характеромъ.

Это было изложеніемъ того, что произошло въ Лондонѣ въ то время, когда тамъ часто происходили взрывы динамита, являвшіеся дѣломъ неизвѣстныхъ рукъ.

Лондонъ приходилъ тогда въ ужасъ. Это и объясняетъ огласка, приводящая факты совершенные Ирвингомъ Бишо.

Чтецъ мыслей Ирвингъ Бишо.—„Ирвингъ Бишо,“—читаемъ мы, — „изобрѣтатель этой мнимой науки прорицанія и учитель Стюарта Кумберлена, пожелалъ доказать, что это знаніе можно использовать для того, чтобы помочь полицейской охранѣ найти виновниковъ уголовныхъ преступленій, вродѣ недавнихъ взрывовъ динамита. Вотъ какъ онъ поступилъ:

Когда собрались по приглашенію въ Вестминстерскомъ Дворцовомъ Отелѣ нѣкоторые журналисты, политическіе дѣятели и интересующіеся этимъ вопросомъ другихъ профессій, онъ предложилъ, чтобы одинъ изъ присутствующихъ который долженъ былъ представлять изъ себя подбрасывателя динамита, задумалъ какой-нибудь предметъ, отстоящій отъ отеля на полтора километра, который, для выполненія задуманнаго, долженъ былъ замѣнять адскую машину.

Духовное лицо—каноникъ Горфордъ согласился играть роль псевдо-динамиста!... Онъ *думалъ* о бюстѣ, находившемся въ углубленіи окна, въ одномъ изъ флигелей Вестминстерскаго аббатства; но чтобы избѣжать всякаго обмана, онъ записалъ свою мысль на кусочкѣ бумаги, который онъ положилъ въ запечатанный конвертъ, вмѣсто того, чтобы сообщить ее членамъ жури.

Послѣ этого начался опытъ.

Ирвингъ Бишо попросилъ надѣть себѣ на голову черный капюшонъ, похожій на тѣ, которыми покрываютъ головы осужденныхъ на смерть, когда ихъ ведутъ на висѣлицу; затѣмъ онъ далъ въ руки канонику Горфорду конецъ желѣзной проволоки, самъ взялся за другой конецъ, и, таща такимъ образомъ за собой каноника, онъ вышелъ изъ гостинницы и послѣ легкаго колебанія рѣшительно направился по направленію къ мѣсту, которое задумало духовное лицо. Огромная толпа сбѣжавшаяся посмотреть на это любопытное шествіе, встрѣтила его гомерическимъ хохотомъ и глупыми шутками, которыя однако не смущали г. Бишо, такъ какъ, продолжая путь, онъ пришелъ прямо въ аббатство и, взобравшись по лѣстницѣ, безъ колебанія положилъ руку на бюстъ, который, по условленному пред-

положенію, долженъ былъ изображать искомую адскую машину. Успѣхъ этого опыта на свѣжемъ воздухѣ вызвалъ восторженные овации по адресу угадывателя мыслей. Если бы теперь виновники будущихъ взрывовъ пожелали явиться и позволили себя вести Ирвингу Бишо или г. Кумберлену при помощи желѣзной проволоки, то безъ сомнѣнія прорицатели нашли бы дома, гдѣ злодѣи скрывали свои адскія машины. Сомнительно только, чтобы истинные динамисты согласились предложить свои услуги угадывателямъ мыслей.

Какъ читать мысли.—Наряду съ этими цитатами мы можемъ возможно короче рассказать объ опытахъ, которые извѣстны всѣмъ.

Угадыватель мыслей предлагаетъ присутствующимъ симулировать преступленіе, а самъ удаляется въ сопровожденіи контролеровъ, которые должны помѣшать всякому обману.

Совершается симуляція преступленія, присутствующіе занимаютъ свои мѣста, спрятавъ ножъ въ какомъ нибудь мѣстѣ; *тецъ мыслей* долженъ указать жертву, убійцу и мѣсто совершенія преступленія, гдѣ спрятанъ предметъ воровства и гдѣ находится ножъ, послужившій для убійства.

Кого-нибудь изъ присутствующихъ на этой сценѣ просятъ держать *угадывателя* за руку.

Поиски начинаются, и если лицо, служащее проводникомъ хорошо сосредоточило свою мысль на симулированномъ преступленіи, на мѣстѣ, гдѣ оно должно было быть совершено и гдѣ спрятаны предметы, наконецъ, на жертвѣ и на убійцѣ, то *угадыватель мыслей* въ нѣсколько секундъ открываетъ, на какомъ мѣстѣ находится каждая вещь и задуманныя лица.

Но когда проводникъ думаетъ о другой вещи, то угадыватель получаетъ только отрицательные результаты.

Такъ же, какъ Сгюартъ Кумберленъ, Ирвингъ Бишо и Замора, отличились г. Пикманъ, Капнеръ, Альбертини и многіе, которыхъ именъ мы не знаемъ.

Угадыватель мыслей Пикманъ.—Вотъ какъ, за подписью „Ивана --Безземельнаго“ *Petit Journal* въ своемъ номерѣ отъ 21 марта 1893 года рассказываетъ объ опытахъ Пикмана.

Первое испытаніе: Голову Пикмана закутываютъ въ толстый слой ваты, который покрываютъ еще толстой салфеткой. Онъ не можетъ ни видѣть, ни слышать.

— Приказывайте, говорить онъ мнѣ. Скажите потихоньку въ другой комнатѣ одному изъ этихъ господъ, что

вы хотите, чтобы я сдѣлалъ. И ваше приказаніе я исполню, какъ будто бы я его слышалъ изъ вашихъ устъ. Лицо, которому вы его сообщите, будетъ слѣдовать за мной во время поисковъ, которые я буду дѣлать по вашему приказанію, и должно думать только о конечной цѣли. Это все, что отъ него требуется. Я буду слѣдовать за его мыслью, повиноваться ей, и цѣль почти непосредственно будетъ мной достигнута, какъ будто бы по моему предложенію лицо жестомъ или словами указало мнѣ на нее.

И этотъ дьяволъ въ человѣческомъ образѣ сдѣлалъ такъ какъ сказалъ.

— Я хочу, шепталъ я на ухо спокойному г. Цикламо-ру, я хочу, чтобы г. Пикманъ вышелъ изъ той комнаты, гдѣ мы находимся, нашелъ дорогу въ нашу телеграфную контору, отворилъ туда дверь, подошелъ къ одному изъ аппаратовъ Гугеса, который находится направо, и положилъ палецъ на клавишу, гдѣ поставлена буква М.

Развѣ это не достаточно сложно?

Спустя менѣе десяти минутъ, Пикманъ ориентировавшись, открылъ трое дверей, прошелъ черезъ два узкихъ корридора, проникъ въ телеграфную контору къ великому изумленію служащихъ чиновниковъ и, пройдя направо къ аппарату Гугеса, указательнымъ пальцемъ дотронулся до буквы М, точь въ точь, какъ будто бы я ему словесно сдѣлалъ всѣ эти указанія.

Чтобы возобновить опыты, ему мысленно дали приказаніе пойти въ другую комнату, гдѣ находится большая мебель, которую мы называемъ между собой *колумбаріумъ*, благодаря сходству ея съ колумбаріумомъ отца Лашеза. Это былъ обширный сундукъ съ 24-мя огромными ящиками, гдѣ покоились, ожидая пробужденія къ своему существованію, клише портретовъ людей еще не умиравшихъ, но которые, увы! должны когда-нибудь умереть, слѣдуя общему закону. Они къ этому совершенно приготовлены, и будутъ лежать до этого печальнаго срока, ожидая событія, которое ихъ вызоветъ къ свѣту и которое будетъ причиной вторичнаго появленія ихъ портретовъ въ *Petit Journal*.

Итакъ, Пикману мысленно приказали пойти къ этому сундуку, открыть въ немъ ящикъ обозначенный буквой А и достать оттуда первое клише, которое попадется ему въ руки.

Сказано—сдѣлано. Со страшной поспѣшностью, нервный, какъ будто бы онъ переносилъ сверхчеловѣческія усилія, Пикманъ входитъ въ комнату, подходитъ къ сундуку, открываетъ ящикъ А и беретъ оттуда одно клише.

Всѣ хлопаютъ въ ладоши, но это не все.

— Я держу, сказалъ онъ, коробку, въ которой находится тяжелый предметъ (свинцовое клише). Написано ли что-нибудь на этой коробкѣ?

— Да отвѣтилъ внушитель Цикламоръ. (Дѣйствительно, каждое клише положено въ коробку, на которой чернилами написано имя изображаемаго лица).

— Хорошо! Посадите меня на стулъ передъ листомъ бумаги. Я напишу вамъ это имя.

— Это невозможно!

— Посмотрите.

„Императ... Императр... Австріи“.

Новые крики одобренія. Это было именно такъ.

Но, прибавилъ Пикманъ, когда его освободили отъ вязки, мой внушитель (онъ называетъ такъ своего проводника) должно былъ разсѣяннo думать, вотъ поэтому я колебался между императоромъ и императрицей, тогда какъ теперь я вижу на этомъ краѣ картона: Императрица Австріи...

— Дѣйствительно, сказалъ тогда намъ сотрудникъ, я прочиталъ на крышкѣ... „Австріи“, но не потрудился посмотреть былъ ли это императоръ или императрица. Моя мысль не остановилась на этомъ.

.....
Опыты на этомъ не окончились. Мы мысленно приказали Пикману (втайнѣ, какъ всегда) пойти и прикоснуться къ кнопкѣ электрическаго освѣщенія въ сосѣдней комнатѣ. Онъ пошелъ туда не колеблясь. Мы дополнили приказаніе, предписавъ ему—мысленно конечно—вернуть эту кнопку и потушить электричество. Это было дѣломъ одной секунды.

И еще лучше. Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ спросилъ у него, отгадаетъ ли онъ фамилію, написанную на визитной карточкѣ, которая была у него въ карманѣ, и Пикманъ начертилъ имя и фамилію, какія были написаны на визитной карточкѣ.

Наконецъ, кто-то, такъ чтобы Пикманъ не видѣлъ, нарисовалъ мѣломъ причудливую линію на полу, со знаками остановки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и угадыватель мыслей будучи введенъ въ комнату съ завязанными глазами, шагъ за шагомъ слѣдовалъ контурамъ бѣлой линіи, дѣлая остановку какъ разъ во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ.

Теперь посмотримъ, насколько позволяютъ намъ наши слабыя познанія, какъ можетъ происходить передача мыслей.

Мнѣнія ученыхъ.—Ш. Рише принимая мнѣніе д-ра Фурнье, о которомъ мы говорили выше и, отбрасывая мысль объ умственномъ внушеніи, хочетъ приписать данную возможность читать мысли другихъ *вибраціоннымъ движеніемъ*.

Докторъ Ломброзо говоритъ въ томъ же духѣ: „Можно допустить, что предупрежденія сосудисто-двигательныхъ толчковъ внушающаго помогаютъ чтенію нѣкоторыхъ писемъ, нѣкоторыхъ знаковъ (???)... большая часть угадывателей мыслей ощущаетъ лодонью сосудисто-двигательные толчки, которые незамѣтно и произвольно происходятъ на поверхности тѣла, на подобіе прилива и отлива жидкости въ мозгу, которые плетисмографъ Мотсо увеличиваетъ на вращающихся цилиндрахъ, почти такъ же, какъ микрофонъ усиливаетъ самыя слабыя звуки.

Фактъ, что не бываетъ мыслей безъ выраженія, и можно было бы сказать, подобно Сѣченову, что нѣтъ мыслей безъ мускульнаго сокращенія. Можно оставаться неподвижнымъ и думать; но если мысль является сильной, то возникаютъ зачатки словъ—появляется легкое дрожаніе гортани и челюстей, прекращающееся, смотря по обстоятельствамъ. Дыханіе ускоряется или замедляется, мускулы получаютъ нѣкоторое сокращеніе, и всѣ эти признаки утилизируются читателями мыслей, какъ Кумберленомъ и Бишовымъ.

Еще больше укрѣпляютъ насъ въ этомъ опыты, производимые въ *Магнетической клиникѣ*.

Въ данномъ случаѣ мы не можемъ умолчать о теоріи ея директора Г. Дюрвилля.

Въ своей *Магнетической физикѣ* онъ возбуждаетъ вопросъ и высказываетъ свое мнѣніе не только о передачѣ мысли, но даже о передачѣ чувствъ и ощущеній.

„Всѣмъ извѣстно, пишетъ Дюрвилль, что примѣръ заразителенъ. Радость передается такъ же, какъ и печаль, добродѣтель—какъ и порокъ, здоровье—какъ и болѣзнь. Народное убѣжденіе выражаетъ эту истину пословицей: „Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, а я тебѣ скажу, кто ты“.

Это сообщеніе, которое безсознательно происходитъ между одной личностью и другой, конечно, и является причиной народныхъ волненій, паническихъ ужасовъ и многихъ явленій, которыя можно легко убѣдиться на распространеніи нѣкоторыхъ заразительныхъ болѣзней, гдѣ заражается главнымъ образомъ нервная система. Конечно не является достоинствомъ этой мысли то, что она очевидна

для всѣхъ, но разсужденіе легко приводитъ къ болѣе удовлетворительнымъ результатамъ.

Физиологъ, который не понимаетъ механизма этой передачи, приписываетъ ее подражанію, не давая себѣ отчета въ томъ, что подражаніе здѣсь является слѣдствіемъ причины, знанія которой ему не достаетъ.

Мысль, которая появляется въ глубинѣ мозга, можетъ передаваться отъ одного къ другому. Это есть видъ умственного внушенія. Я, скажемъ, нахожусь передъ лицомъ, которое со мной въ близкихъ отношеніяхъ и мнѣ приходитъ мысль о томъ, что оно думаетъ; если я ему сообщу о предметѣ моихъ мыслей, то я часто получаю отвѣтъ, аналогичный этому: „Я самъ думалъ то, о чемъ вы говорите, и только что хотѣлъ вамъ это сказать“. Объясненіе этого явленія очень просто.

Когда душа думаетъ, радуется или страдаетъ, то происходитъ колебательно движеніе мозга, движеніе, которое во всѣхъ мозгахъ одинаково для одной и той же мысли, одного и того же желанія, одной и той же потребности, однимъ словомъ, для одинаковаго образа существованія лицъ. Это движеніе передаваясь нервной системѣ, не прекращается въ области нервовъ, но посредствомъ волнъ передается во вторящую среду. Эти волны ударяютъ по нервной системѣ лицъ, находящихся въ сферѣ ихъ дѣйствія и при посредствѣ нервовъ безъ измѣненія колебательное движеніе доходитъ до мозга, гдѣ автоматически воспроизводится та же мысль, тоже желаніе, та же потребность однимъ словомъ тотъ же характеръ бытія. Эта передача происходитъ тѣмъ легче, тѣмъ полнѣе, чѣмъ впечатлительнѣе, т.-е. чувствительнѣе воспринимающій субъектъ.

Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о *явленіяхъ нервныхъ, душевныхъ и нравственныхъ* Рамбосонъ формулировалъ законъ о передачѣ и преобразованіи сильнаго возбужденія, который объясняетъ механизмъ всѣхъ этихъ явленій.

Болѣе сильный всегда имѣетъ вліяніе на болѣе слабого и часто бываетъ радъ сдѣлаться покровителемъ слабого. Все въ природѣ стремится къ уравниженію.

Слабое и безсильное существо черпаетъ энергію у окружающихъ его сильныхъ и бодрыхъ существъ. Поэтому именно ребенку нравится сидѣть на рукахъ своей кормилицы и больной, выздоравливающій, но истощенный долгими страданіями, испытываетъ облегченіе, улучшение, въ присутствіи любимаго друга.

Явленія, производимыя этого рода передачей, безчисленны. Достаточно наблюдать самого себя и наблюдать другихъ, изслѣдовать свойства впечатлѣній испытываемыхъ при различныхъ условіяхъ общежитія, чтобы вскорѣ убѣдиться въ томъ, что большинство явленій, столь неосновательно приписываемыя случаю, обязано одной и той же причинѣ: *взаимному вліянію, которое люди непріязвольно оказываютъ другъ на друга.*

Нужно ли искать болѣе точнаго объясненія?

Есть ли возможность передавать какой-нибудь токъ, похожій на дѣйствіе радія, будетъ ли это что-нибудь, что можно было бы сравнить съ лучами N , съ катодными лучами, съ лучами Рентгена,—все это покрыто мракомъ неизвѣстности, но опредѣленное открытіе, можетъ быть, не такъ далеко, какъ думаютъ.

Въ этомъ отношеніи одинъ голландскій ученый Шваммердамъ уже въ 1678 году указывалъ на существованіе въ человѣческомъ тѣлѣ особаго флюидическаго тока.

Въ 1827 году Нобель, въ свою очередь, доказывалъ это вполнѣ точнымъ образомъ.

Что касается изслѣдованій предпринимаемыхъ нами въ магнетической клиникѣ, то они всѣ сводятся къ доказательству тока въ человѣческомъ тѣлѣ, который измѣряютъ при помощи специальныхъ аппаратовъ, какимъ являются магнетометръ аббата Фортэна, усовершенствованный Барадюкомъ и стенометръ д-ра Жуара.

Впрочемъ очень чувствительные гальванометры могутъ также обнаружить присутствіе этого тока.

Чтобы его обнаружить, достаточно погрузить пальцы обѣихъ рукъ въ два сосуда, наполненные соленой водой и сообщающіеся съ гальванометромъ посредствомъ двухъ платиновыхъ пластинокъ.

Когда стрѣлка неподвижна, то возможно сильнѣе сжимаютъ мускулы одной изъ рукъ, стараясь не двигать пальцами. Тогда можно замѣтить уклоненіе стрѣлки, указывающее постоянный токъ, направляющійся въ гальванометръ изъ сосуда, находящагося подъ несжатой рукой, къ противоположному сосуду. Этотъ опытъ впервые продѣлалъ Буа—Раймондъ. Его можно сдѣлать проще, держа въ рукахъ двѣ мѣдныя ручки, соединенныя съ гальванометромъ, или еще проще, положивъ обѣ руки, снабженныя ручками, на столъ и опираясь попеременно то одной, то другой рукой черезъ салфетку, чтобы избѣжать соприкосновенія.

Въ такихъ случаяхъ стрѣлка уклоняется только на два или на три градуса; но примѣняя, подобно Бюффу, цѣпь

изъ 16 лицъ, держащихся влажными руками, можно получить уклоненіе на 10 и 12 градусовъ, если конечно лица напрягаютъ мускулы одной и той же руки.

Дю Буа-Раймондъ даже одинъ могъ производить уклоненіе отъ 60 до 70 градусовъ, снимая при помощи нарѣванныхъ пластырей, накладываемыхъ на верхнюю часть рукъ, кожу, являющуюся плохимъ проводникомъ, и приводя обнаженныя такимъ образомъ мѣста въ соприкосновеніе съ двумя остріями гальванометра, не производя сокращенія мускуловъ.

Де-Роша изложилъ нѣсколько теорій о накопленіи въ мозговыхъ отдѣленіяхъ особаго тока, который дѣйствуетъ на мышцы.

Д-ръ Льюисъ предубѣжденъ противъ этой теоріи и въ своемъ *Химическомъ и практическомъ изслѣдованіи умственныхъ болѣзней* говоритъ:

„Изслѣдованія новѣйшихъ физиологовъ, правда съ нѣкоторыми вариантами, всегда стремятся разсматривать сплетенія мозговой поверхности, какъ достояніе преимущественно психической и интеллектуальной дѣятельности, и видѣтъ въ свѣто-струпчатыхъ ядрахъ органическое *substratum*, предназначенное служить поддержкой для совершенно иного ряда явленій. Въ глазныхъ углубленіяхъ таковыми будто бы являются главнымъ образомъ чувственныя впечатлѣнія, переработанныя и измѣненныя, тогда какъ въ сѣромъ веществѣ струпчататаго тѣла это будутъ, наоборотъ, явленія возбуждательнаго вліянія нервовъ, имѣющія свой исходный пунктъ.

„Изъ этого вытекаетъ очень простое объясненіе механизма мысли.

„Когда кто нибудь со мной говоритъ, онъ приводитъ въ движеніе воздухъ, котораго волнообразныя колебанія ударяютъ въ мое ухо; подъ ихъ вліяніемъ колеблется самый слуховой нервъ и колебанія передаются съ его внѣшняго конца — барабанной перепонки — на внутренней — свѣто-струпчатое тѣло; тамъ они посредствомъ неизвѣстнаго процесса перемѣняются въ мысль.

„Моя мысль, въ свою очередь, измѣняется въ движеніе, когда я сочту это нужнымъ, заставляя колебаться нервы приставленные къ силѣ, дѣйствующей изнутри наружу. Весьма вѣроятно, что это колебаніе обязано облегченію извѣстнаго количества тока, накопившагося въ струпчатомъ тѣлѣ.

„То, что я только что сказалъ о чувствѣ слуха, относится также ко всѣмъ другимъ чувствамъ; такимъ обра-

зомъ, чувственные нервы приспособлены къ передачѣ колебаній центростремительныхъ, т.-е. идущихъ снаружи внутрь, а двигательные нервы передаютъ центробѣжные колебанія, т.-е. идущія изнутри наружу“. (*Неопредѣленныя силы*, стр. 554).

Проф. Ж. Фабіусъ де-Шанвиль.

Мозговое кольцо Дюрвилля.—Это доказательство приводитъ насъ къ разсмотрѣнію здѣсь превосходной статьи Альберта Жюне о мозговомъ кольцѣ, который изслѣдовалъ всевозможныя сообщенія мозга съ органами и,

что особенно цѣнно для насъ, съ внѣшними явленіями и существами.

„Одновременно и независимо въ то же время одинъ отъ другого“ пишетъ А. Жюне, магнетизеръ,—профессоръ Дюрвилль, и д-ръ Люсь, около 1885 года замѣтили, что, вліяя, посредствомъ наложенія руки, на нѣкоторыя мѣста черепа, тотчасъ оказывали вліяніе на опредѣленные органы и функціи.

Сверхъ того, какъ замѣтилъ Дюрвилль, вся область черепа, соотвѣтствующая органу, подверженному воспалительной болѣзню, обнаруживала ненормальную теплоту, которую легко чувствовала рука магнетизера, которой онъ медленно проводилъ по головѣ больного. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Дюрвилль производилъ свои опыты надъ этимъ *мозговымъ кольцомъ* и въ книгѣ появившейся недавно онъ даетъ классификацію черепныхъ областей и приводитъ разнообразныя примѣры для подтвержденія.—Ученіе о мозговыхъ центрахъ не чуждо и официальной наукѣ.

Всѣмъ извѣстно, что, когда одинъ человекъ потерялъ вслѣдствіе раны способность говорить, великій антропологъ Брока открылъ, что рана опредѣленно затронула третье лобное отдѣленіе около центра и исходя изъ этого факта, въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ изслѣдованій установилъ, что это отдѣленіе и было именно центромъ управленія членораздѣльной рѣчью.

Официальная наука отыскала и другіе центры, какъ, напр., центръ зрѣнія, и слуха. Поврежденіе этихъ центровъ вызываетъ слѣпоту и нѣмоту.

Докторъ Льюисъ, врачъ изъ Шаритѣ, умершій въ 1897 году, имѣлъ въ своей коллекціи мозгъ женщины, которая была глуха 40 лѣтъ.

Этотъ мозгъ отличался атрофіей въ значительной степени слухового центра. Въ 1884 году д-ръ Дюмонпалье, опередившій труды Люса и Дюрвилля, заставлялъ двухъ истеричныхъ изъ своихъ служащихъ терять способность говорить, нажимая пальцемъ на лѣвый високъ, почти на высотѣ круга членораздѣльной рѣчи, открытаго Броккомъ.

Магнетическіе опыты Дюрвилля надъ органами рѣчи, зрѣнія и слуха приписываютъ тѣ же центры, которые имъ были приписаны на основаніи клиническихъ и анатомическихъ утвержденій официальныхъ ученыхъ.

Но магнетизмъ старается опредѣлить центры и другіхъ функцій. И, хотя эти изысканія не содержатъ полной увѣренности въ томъ, что дѣлается съ функціей, прекращаемой отнятіемъ или атрофіей соотвѣтствующей части

мозга, однако знакомство съ магнетическимъ мозговымъ кольцомъ представляетъ дѣйствительный интересъ, хотя бы это дѣлалось только съ цѣлью подчинить контролю новые и еще не провѣренные опыты и, если это будетъ умѣстно распредѣлить касающіяся ихъ замѣчанія.

Леча одного молодого англичанина, истощеннаго излишествами и умственнымъ переутомленіемъ, Дюрвилль замѣтилъ, что двѣ области черепа испускали настолько чувствительный жаръ, что ладони рукъ ощущали его на разстояніи десяти сантиметровъ. Магнетизеръ предположилъ существованіе связи между этими двумя точками и важнѣйшими причинами страданія больного. Не сообщая своего предположенія больному, онъ приложилъ пальцы лѣвой руки къ лѣвой части одной изъ областей. Этотъ приемъ долженъ былъ произвести возбужденіе, такъ какъ въ магнетизмѣ одноименные полюсы — лѣвый и лѣвый, правый и правый — производятъ возбужденіе, напряженіе, а разноименные полюсы — лѣвый и правый, производятъ расслабленіе, отливъ крови, успокоеніе. Дѣйствіе возбужденія перешло на органъ, которымъ молодой человекъ злоупотреблялъ при своихъ излишествахъ, и съ такой силой, что магнетизеръ, извиняясь, поспѣшилъ замѣнить возбуждающее дѣйствіе разноименнымъ, успокаивающимъ и достигъ этимъ измѣненіемъ полного успокоенія и улучшенія общаго состоянія больного.

Дюрвилль открылъ такимъ образомъ мозговой центръ производительныхъ органовъ, который находится сзади головы, приблизительно на 7 сантиметровъ выше затылка. Такимъ же приемомъ — возбужденія и успокоенія — онъ открылъ у того же больного центръ желудка. Онъ находится непосредственно надъ предыдущимъ. У одной непорядочной женщины магнетизеръ замѣтилъ, что верхушка черепа всегда была очень теплой, и когда, посредствомъ холодныхъ вдуханій или разноименнаго прикладыванія руки, удавалось уменьшить этотъ жаръ, страданія больной уменьшались, и она испытывала улучшеніе во всей спинной области. Изъ этого Дюрвилль заключилъ, что верхушка черепа содержитъ магнетическій мозговой центръ спинныхъ нервовъ. Другая дама — докторъ медицины — страдала воспаленіемъ груди, изъ которыхъ одна еще не была вылечена. Она согласилась подвергнуть себя испытанію магнетизера, который, изслѣдуя голову женщины-врача, нашелъ два мѣста, болѣе теплыхъ, чѣмъ сосѣднія части. Онъ привелъ одно изъ этихъ мѣстъ въ возбужденіе. Но черезъ нѣкоторое время пациентка попросила его перестать, такъ какъ въ груди,

которая еще находилась въ воспаленномъ состояніи, она почувствовала острую боль. Эта боль продолжалась еще нѣскольکو недѣль. Такимъ образомъ былъ открытъ грудной центръ.

Понятно, Дюрвилля не удовлетворяли его первые опыты. Но онъ старался открыть центры различныхъ физиологическихъ функций и найти каждый изъ этихъ центровъ у многихъ больныхъ. Онъ восемь лѣтъ продолжалъ подобные опыты, пока издалъ книгу, на которую я здѣсь упоминаю.

Въ ней можно найти любопытныя страницы. Центры гортани и производительныхъ органовъ соприкасаются. Этимъ соствдствомъ Дюрвилль объясняетъ утробный кашель, который часто появляется у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, въ особенности во время менструаціи, и въ то время какъ легкія, гортань и устье пищевода горла остаются безъ поврежденій. Мозговой производительный центръ, возбужденный напряженіемъ органовъ, которыми онъ управляетъ, повидимому возбуждаетъ въ свою очередь мозговой центръ гортани и вызываетъ этотъ своеобразный кашель.

Опыты Дюрвилля заслуживаютъ, изученія и утвержденія. Конечно, они еще больше укрѣпляютъ наши подтвержденія. Вотъ почему мы записываемъ ихъ здѣсь съ удовольствіемъ, убѣжденные, что мы побудимъ нашихъ читателей къ новымъ испытаніямъ и новымъ изслѣдованіямъ, которыя они терпѣливо будутъ продолжать.

Различныя толкованія. — Съ другой стороны г. Рибо хотѣлъ объяснить движенія, въ связи съ передачей мыслей, о которыхъ говорятъ д-ръ Фурнье, Гратиоли, Александръ Дюма, Карль Гарнье, де-Парвилль и Рише, болѣзненнымъ состояніемъ воли, которая заставляетъ исполнять чрезмѣрныя побужденія, и которая даетъ намъ факты, обнаруживающіе признаки чисто-рефлексивнаго явленія, безъ всякаго согласія съ волей.

„ ...Побужденіе, говоритъ онъ, можетъ быть внезапнымъ, безсознательнымъ, за которымъ слѣдуетъ немедленное исполненіе, такъ что разсудокъ даже не имѣетъ времени узнать о немъ.

„ ...Основнымъ принципомъ, господствующимъ въ психологии воли, въ ея импульсивной формѣ какъ здраваго, такъ и болѣзненнаго состоянія, является то, что всякое состояніе сознанія всегда стремится къ обнаруженію, къ переходу въ движеніе, въ какой-нибудь актъ. Этотъ принципъ является частнымъ случаемъ, свойственнымъ психо-

логи, слѣдующаго основного закона: рефлексъ (отраженіе) является единственнымъ видомъ всякаго нервнаго дѣйствія, всякаго общежитія.

„...Это стремленіе состоянія сознанія перейти въ психологическій актъ, сознательный или безсознательный, является простымъ фактомъ, къ которому подводятся соединенія и усложненія болѣе высокаго волевого дѣйствія...“

Итакъ, вотъ вкратцѣ мнѣніе людей, заслуживающихъ вниманія. Въ предыдущемъ, намъ кажется, мы дали читателямъ общее представленіе о томъ, что было сказано, написано и сдѣлано по этому вопросу.

Познай самого себя. — Слова, которыя были выгравированы на фронто́нѣ Дельфійскаго храма: „*Познай самого себя*“, въ то время, когда Пивія была знаменитой въ извѣстномъ тогда мірѣ, должны учить насъ, въ большинствѣ случаевъ, отыскивать самимъ многія вещи, которыхъ мы не знаемъ. Развѣ эти слова, произнесенныя лаконически, не выражаютъ слѣдующее: „Ты, который являешься сюда спросить у меня совѣта, познай самъ себя, и мое посредничество, мои предсказанія будутъ бесполезны. Сосредоточившись въ самомъ себѣ, придя въ особое состояніе, ты сумѣешь предвидѣть будущее такъ же, какъ и я“.

То же самое можно сказать и въ настоящее время по поводу *передачи мыслей*, которую мы изучаемъ.

Сосредоточьтесь въ себѣ, изучайте себя, умѣйте рассуждать, и тѣ явленія, которые превосходятъ понятіе большинства людей, васъ не будутъ удивлять. Природа скрываетъ свои тайны только отъ тѣхъ, кто ихъ не добивается.

И затѣмъ, мой Боже! немного рассужденія, аналогій, гипотезъ—и вамъ легко удастся создать самую разумную теорію о передачѣ мысли.

Жизнь — это колебаніе въ восьмой степени могущества. Все живущее находится въ колебаніи въ болѣе или менѣе сильномъ.

Въ физикѣ говорится, что если въ какой-нибудь залѣ бить по поверхности барабана, поставивъ на столъ чувствительный аппаратъ, состоящій изъ кожи натянутой на рамку и подвѣшеннаго къ ней на шнуркѣ маленькаго бузиннаго шарика, то происходитъ всѣмъ извѣстное явленіе: шарикъ начинаетъ прыгать тѣмъ беспорядочнѣе, чѣмъ сильнѣе и стремительнѣе удары по барабану.

Какимъ волшебствомъ, какимъ чудомъ происходитъ это явленіе? Вѣдь мы не видимъ ничего — никакого сообщенія повидимому не существуетъ между барабаномъ и приборомъ. Долго подобное явленіе оставалось необъясни-

мымъ въ непросвѣщенные вѣка, говорили о чудѣ, однако нѣтъ ничего проще — шарикъ приводится въ движеніе сотрясеніемъ кожи, натянутой на рамку барабана.

Сотрясенія, которыя производятъ всю эту суматоху, передаются посредствомъ звуковыхъ волнъ, похожихъ на тѣ, которыя образуются на водѣ, когда въ нее падаетъ какое-нибудь тѣло. Видите ли вы что-нибудь при сотрясеніяхъ, производимыхъ звукомъ? — нѣтъ, не правда-ли; и однако при помощи изслѣдованій и опытовъ удалось неопровержимо доказать существованіе этихъ сотрясеній и способовъ ихъ передачи.

Но вернемся къ передачѣ мысли.

Если вы обратитесь къ физиологу, то онъ объяснитъ вамъ способъ передачи въ мозгъ звука, проходящаго черезъ барабанную перепонку, которая вибрируетъ и заставляетъ вибрировать слуховые нервы, и они въ свою очередь вліяютъ на ту часть мозга, которая является воспріемникомъ впечатлѣній, передаваемыхъ нервами извнѣ.

До сихъ поръ мы говорили о грубыхъ силахъ, сравнительно съ мыслью. Для нашихъ сравненій мы пользовались веществами и токами, относящимися къ мысли, какъ вода къ лучеиспускательному веществу.

Все, живущее вибрируетъ, сказали мы.

Все что думаетъ, живетъ.

Итакъ, когда кто-нибудь думаетъ, происходитъ особаго рода вибрація, отличающаяся удивительной и непостижимой тонкостью.

Изобрѣтите чувствительный аппаратъ, достаточно совершенный, достаточно тонкій и чрезвычайно чувствительный и вы на опытѣ можете убѣдиться въ вибраціи мысли.

Всѣ обладаютъ такимъ аппаратомъ это—*головной мозгъ*. Когда въ мозгу зарождается мысль, то вибрація можетъ сообщиться другому мозгу, если только послѣдній въ состояніи сосредоточиться, уйти въ себя. Передача мысли посредствомъ „интеллектуальныхъ волнъ“ происходитъ легко если передающій эту мысль человѣкъ думаетъ сосредоточенно и съ правильнымъ постоянствомъ; а человѣкъ должествующій читать мысль достаточно уйдетъ въ себя чтобы, воспринимая „интеллектуальныя волны“, не быть отвлекаемымъ воспринятіемъ какихъ-либо постороннихъ *интеллектуальныхъ волнъ, происшедшихъ отъ мыслей другихъ индивидуумовъ*.

Итакъ, это особаго рода состояніе, которое слѣдуетъ вызывать, чтобы дѣйствительно сумѣть воспринимать вибра-

ціи мозга другихъ лицъ, приведеннаго въ движеніе какой-нибудь мыслью, чтобы ихъ уподоблять и понимать.

Что происходитъ въ фонографѣ? Выходятъ звуки и пластинка или скорѣе пленка, служащая для записи анія, болѣе или менѣе глубоко вдавливаясь иглой, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ вибрацій, звуковыхъ волнъ.

Остановите теперь аппаратъ—ничего не слышно. Вамъ кажется, что впечатлѣніе звука исчезло навсегда. Но, однако, какъ только вы снова приведете аппаратъ въ движеніе, звукъ появляется снова, голосъ, который вы считали исчезнувшимъ, слышится опять. То, что зародилось въ другомъ существѣ, колебанія, исходящія изъ другого центра, возобновляются и вы снова воспринимаете слышанные звуки.

Этихъ чудесъ вы не поймете сразу; вы вынуждены будете кричать о сверхъестественномъ; вы будете искать обмана и, однако, нѣтъ ничего проще.

То же самое происходитъ и при передачѣ мысли. Мозгъ ощущаетъ колебанія мозга думающаго и воспринимающій мозгъ можетъ совершенно синтезировать, воспроизводить черезъ своего раба—тѣло—всѣ мысли, зародившіяся въ мозгу думающаго.

Беспроволочный телеграфъ, тоже, значительно укрѣпляетъ нашу теорію и еще лучше поясняетъ наши утвержденія, если мы сравнимъ станціи отправки и полученія съ двумя удаленными другъ отъ друга мозгами.

Да! конечно для этого нужно чрезвычайное вниманіе; нужно умѣть почувствовать, зарегистрировать колебанія; но для этого достаточно немного привычки, и вещь окажется легкой.

И это понятно: мысль порождаетъ своеобразныя вибрирующія колебанія, которыя дѣйствуютъ на мозгъ, приведенный въ состояніе сосредоточенія настолько, чтобы ихъ воспринять.

Теперь, во многихъ случаяхъ, возникаетъ вопросъ, что помогаетъ регистрировать мысли другихъ? Таковымъ является сообщеніе между тѣлами, а слѣдовательно, между мозгами, посредствомъ какого-нибудь соприкосновенія.

Только такимъ образомъ легко объясняются *символическія движенія, вибраціонныя движенія* и теоріи различныхъ *ттецовъ мыслей*.

Во время мыслительныхъ колебаній, тѣло также воспринимаетъ ихъ до нѣкоторой степени. Оно приходитъ въ колебательное состояніе и является проводникомъ для „интеллектуальныхъ волнъ“, которыя пробѣгаютъ по немъ и съ той же силой передаются въ тѣло съ нимъ соприкасающееся

посредствомъ пожатія руки: итакъ, вотъ какое средство дѣйствительно приходитъ на помощь къ первому.

Оно не является необходимымъ для того, чтобы хорошо читать мысли другихъ, но оно значительно этому помогаетъ.

Дальнѣйшее объясненіе намъ кажется бесполезнымъ.

Въ случаѣ необходимости для подкрѣпленія этой теоріи можно было бы привести доказательства, которыя намъ даютъ *полное умственное внушеніе*, производимое на разстояніи. Тамъ также вибрація мысли магнетизера, *интеллектуальныя волны*, вліяютъ на мозгъ субъекта, который, совершенно уединившись отъ общества, воспринимаетъ лучше и быстрѣе, чѣмъ въ состояніи возбужденія.

Намъ кажется, что всякій съ этимъ согласится.

Опыты могутъ обнаружить наши теоріи на практикѣ и результаты докажутъ ихъ полную истинность.

Телепсихія. — Телепатія. — *Телепсихія*, которая объясняется во многихъ сочиненіяхъ, какъ средство сообщаться на разстояніи при помощи мысли, вноситъ еще одно доказательство въ нашу теорію.

Океанъ отдѣляетъ васъ отъ любимаго существа. Мысль объ отсутствующемъ, которая никогда не оставляетъ васъ совершенно, налагаетъ отпечатокъ меланхоліи на ваши ежедневныя занятія. Иногда, однако, воображеніе становится болѣе живымъ, печаль болѣе жгучей. И почти всегда усиливающіяся воспоминанія возвѣщаютъ какую-нибудь новость или является предсказаніемъ близкаго возвращенія.

Вы бродите по бульвару. Внутренняя сила заставляетъ васъ обернуться, и вы сталкиваетесь лицомъ къ лицу съ другомъ, мысль о которомъ только что завладѣла вами.

Кто не испытывалъ унылой тоски ожиданія? Въ теченіе долгихъ часовъ и кажущихся вѣчными минутъ душа стремится къ ожидаемому лицу, но она не встрѣчаетъ никого. Вдругъ, передъ вами образъ ожидаемаго существа! — Оно еще далеко, но уже приближается; отворилась дверь и оно передъ вами.

Народныя поговорки подтверждаютъ истинность этихъ частыхъ наблюденій словами: „У васъ должно было звенѣть въ ушахъ; мы о васъ говорили вчера вечеромъ“. Или еще пословица; „О волкѣ рѣчь, а волкъ тутъ какъ тутъ!“

Итакъ, это фактъ, сотни разъ подтвержденный, что сердца связаны на разстояніи, что матеріальное отсутствіе не прерываетъ таинственныхъ сношеній душъ.

Явленія, которыя освобождаютъ телепатію отъ неизвѣстности, еще не получили научнаго объясненія. Скептики го-

ворять: „Чистыя совпаденія!“ Но когда эти совпаденія такъ часты, когда каждый тысячу разъ замѣчалъ ихъ повтореніе, то случайность здѣсь ни при чемъ. Въ такомъ случаѣ надлежитъ лучше искать соотношеніе между причиной и слѣдствіемъ.

Мистики думаютъ, что души обладаютъ способностью блуждать внѣ тѣла, что онѣ имѣютъ нематеріальныя чувства, свободныя отъ законовъ пространства и времени. Но какимъ образомъ они могутъ такъ отдѣляться отъ тѣла, не переставая ихъ одушевлять? Къ тому же эти слѣдствія симпатіи, единенія душъ происходятъ въ состояніи бодрствованія, безъ экстаза, безъ каталепсії, безъ перерыва нормальнаго хода жизни.

Предположите теперь, наоборотъ, что человѣческое тѣло, какъ и многія другія вещества, снабжено самопроизвольной лучедѣятельной силой, являющейся самой по себѣ источникомъ колебаній способныхъ мгновенно, черезъ чрезвычайно тонкую среду производить колебанія, входящія въ нервную систему любимаго существа, и тогда все станетъ яснымъ, или по крайней мѣрѣ получить объясненіе.

Теперь больше нѣтъ надобности прибѣгать къ совпадению, о которомъ говорятъ скептики или къ неправдоподобнымъ гипотезамъ мистиковъ. Телепатія представляетъ естественное явленіе и, какъ всѣ другіе законы физики, можетъ быть подчинена опыту и наблюденію.

Лучи N.—Если правда, что изъ нашихъ нервныхъ и мускульныхъ волоконъ исходятъ лучи N, открытые Блондло и Шарпентьеромъ, съ силой, различающейся смотря по усилію воли и передающейся въ видѣ свѣтовыхъ варіацій на плавиковую пластинку, то эти лучи или колебанія слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ, которые крайне необходимо изучить и подтвердить.

Такъ, было замѣчено, что эти истеченія проходили черезъ большинство вещественныхъ препятствій, но что, между тѣмъ, нѣкоторыя вещества, какъ влажная бумага, перенимали ихъ или заставляли уклоняться.

Это было изслѣдовано на опытѣ.

Приведемъ еще выписку, заимствованную въ сборникѣ записокъ Ученаго и Литературнаго Общества Луарь-Эшера. Она слишкомъ соотвѣтствуетъ большей части нашихъ теорій, почему ею и нельзя пренебрегать.

„Мысль, читаемъ въ этомъ отрывкѣ, является конечно актомъ, и актомъ значительнымъ, такъ какъ она является результатомъ тысячи повторяемыхъ мозговыхъ впечатлѣній, изъ которыхъ каждое представляетъ усиліе. Какъ всѣ явле-

нія природы она не можетъ происходить, не производя въ то же время измѣненія въ электрическомъ состояніи своего *substratum*. Это измѣненіе постепенно распространяется на всѣ чувства до безконечности, задерживаясь по мѣрѣ разсѣиванія, и проходя черезъ встрѣчаемыя имъ среды, оно, по законамъ эквивалентности, болѣе или менѣе точно установленнымъ новѣйшей наукой, преобразуется въ теплоту, свѣтъ и движеніе.

„Такъ на примѣръ, въ потайномъ фонарѣ свѣтъ находится внутри лампы замѣтенъ снаружи только черезъ отверстія въ непрозрачной стѣнкѣ; впрочемъ эта сила свѣта также дѣйствуетъ и тоже передается наружу, но въ другой формѣ— въ видѣ теплоты, которая проходитъ незамѣтно для нашего зрѣнія, если мы снова не превратимъ ее въ свѣтъ, на примѣръ, при помощи термо-электрической батареи.

„Съ точки зрѣнія официальной науки, существуетъ только одинъ путь для обнаруженія мысли: это двигательные нервы—отверстія фонаря. Мы только что узнали, что могутъ быть и другіе; но сравненіе съ лампой, которая, находясь въ Парижѣ, зажигала другую, находившуюся въ Блуа, посредствомъ батареи и, затѣмъ металлической проволоки, заставляетъ предположить, что всегда нуженъ осязательный проводникъ“. Вотъ другой примѣръ, гдѣ мысль передается посредствомъ свѣтового луча.

„Представьте очень тонкое металлическое зеркальце, сзади котораго прикрѣплена трубочка.

„Говоря въ эту трубочку, вы заставляете зеркальце вибрировать. Вибрирующее зеркальце измѣняетъ отраженіе свѣта. Свѣтъ приходя на другую станцію измѣненъ вашей рѣчью, наполненъ ею, но не рѣчью, какъ таковой, но ея механическимъ соотношеніемъ. Онъ доходитъ до селеновой пластинки и удараетъ въ нее. Черезъ эту селеновую пластинку проходитъ мѣстный токъ. Но селеновая пластинка оказываетъ этому току болѣе или менѣе сильное сопротивленіе, смотря по силѣ луча ударяющаго въ нее. Если этотъ постоянно мѣняющійся токъ пропустить черезъ телефонъ, онъ заставитъ вибрировать пластинку этого аппарата, подобно съ измѣненіями, которымъ онъ подвергается, и пластинка воспроизводитъ рѣчь“.

Это фотофонъ Белля. Разсмотримъ, что происходитъ здѣсь. Вашъ мозгъ наполненъ мыслью, которая переходитъ въ двигательные нервы. Нервы передаютъ ее звуковымъ мускуламъ и связкамъ, звуковыя связки воздуху, воздухъ зеркалу, зеркало свѣту, т.-е. свѣтовому эфиру, эфиръ селеновой пластинкѣ, селенъ гальваническому току, гальвани-

ческий токъ электро-магниту телефона, электро-магнѣтѣ вибрирующей пленкѣ, вибрирующая пленка воздуху воздуху барабанной перепонкѣ, барабанная перепонка малымъ косточкамъ средняго уха, косточка средняго уха перепонкѣ лабиринта, перепонка — жидкости внутренняго уха, жидкость конечнымъ органамъ слухового нерва, наконецъ, слуховой нервъ—мозгу. Почему? Потому что послѣдняя передача встрѣтила среду, аналогичную съ пунктомъ ея отправления. „Мы могли бы составить такимъ образомъ цѣлый томъ изъ отрывковъ, которые подкрѣпляютъ нашу теорію своими примѣрами или подтвержденіями.

Приводимъ еще одно мнѣніе, принятое въ другихъ государствахъ.

Въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ „*Румынія*“ одинъ изъ нашихъ собратьевъ Альдебаранъ объясняетъ, какъ съ его точки зрѣнія, неизвѣстное и удивительное явленіе передачи мысли становится яснымъ при свѣтѣ изученія этой тайной силы (Шестое чувство: подсознаніе; электрическими и вибраціонными силами, которыми пользуется наше „я“ для исполненія нѣкоторыхъ актовъ, принимаемыхъ за чудесные) и получаетъ чисто-логическое и научное разрѣшеніе.

Въ наше время въ психическихъ лабораторіяхъ госпиталей производится анализъ души, и врачъ сливается съ философомъ, чтобы изучить связи, существующую между явленіями психологіи съ явленіями биологіи. Но психофизиологія часто сталкивается съ непреодолимыми преградами. Такъ, по признанію даже Рибо, онъ не можетъ объяснить условій происхожденія и передачи удовольствія. „Это, говоритъ онъ, невѣдомая область“. Итакъ, это считается невѣдомою областью, то происхожденія и передача мысли представляетъ явленіе, которое покажется еще болѣе неяснымъ и непонятнымъ; несмотря на неопровержимыя ежедневныя доказательства, которыя свидѣтельствуютъ намъ о дѣйствительности этой передачи, она можетъ казаться неразрѣшимымъ вопросомъ. Я утверждаю совершенно противоположное; это явленіе не только объяснимо, но что оно можетъ быть произведено по желанію, т. е., на практикѣ свою мысль можно передать другому лицу совсѣмъ какъ по беспроволочному телеграфу, основываясь на научныхъ данныхъ, примѣняя особые аппараты, которыхъ устройство похоже на телефонные и телеграфные аппараты, хотя конечно они должны отличаться болѣе тонкими свойствами и большей чувствительностью.

Спиритуалистическая философія учитъ, что разумъ, т.-е. способность понимать или рассуждать, связанъ съ другими органами только чувствами, и что доказательство существованія души заключается именно въ единствѣ сознанія и безконечности мыслящаго „я“.

Но какъ вы объясните, возражаютъ матеріалисты, это единство вашего „я“, которое подраздѣляетъ органы на матеріальные центры мозга и котораго волненія непосредственно отражаются на частяхъ души, соответствующихъ этимъ центрамъ. Ваша личность, ваше „я“ настолько связано съ жизнью аппаратовъ, его поддерживающихъ, что, если въ послѣднихъ произойдутъ потрясенія, вы можете потерять память или рассудокъ, даже волю, наконецъ, утратить цѣликомъ ваше личное „я“. Итакъ, въ моемъ предыдущемъ изслѣдованіи о тайныхъ силахъ человѣка, я объяснилъ, что такое личное „я“, по воззрѣніямъ наиболѣе выдающихся современныхъ психологовъ, какимъ образомъ оно, дѣйствительно является двойнымъ. „я“, будучи единымъ или даже тройнымъ, т.-е., бываетъ „Я“ матеріальное или бессознательное, „я“ флюидическое или подсознательное, „я“ мыслящее или разумное и сознательное.

Прежде чѣмъ подходить къ проблемѣ собственно передачи мыслей, посмотримъ, какъ поставленъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія ученыхъ. При наличности очень тѣсныхъ отношеній, связывающихъ психическія явленія съ матеріальными качествами мозга, вопросъ необходимо отнести на ту же почву, на которую поставилъ его матеріализмъ. „Мысль есть продуктъ мозга!“ вотъ аргументъ чисто-материалистическій, аргументъ неопровержимый, и возобновленный только Гальветіусомъ и Энциклопедистами въ болѣе грубомъ видѣ и съ выраженіями, близкими къ комизму и подвергающемуся насмѣшкамъ. Въ своемъ сочиненіи: *Мозгъ и мысли*, Поль Жанэ резюмируетъ мнѣнія спиритуалистовъ по этому вопросу: „Нужно, говоритъ этотъ ученый, чтобы внѣшній міръ дѣйствовалъ на душу для того, чтобы она оказалась способной мыслить; необходимъ, слѣдовательно, *посредникъ* между внѣшнимъ міромъ и душой.

Такимъ посредникомъ является нервная система; и, такъ какъ всѣ ощущенія, приходящія различными путями, должны связаться, и соединиться, чтобы сдѣлать возможной мысль, то нуженъ *центръ*, каковымъ является мозгъ. Мозгъ, слѣдовательно является центромъ, въ которомъ сосредоточиваются дѣйствія внѣшнихъ предметовъ и въ то же время онъ служитъ центромъ; изъ котораго душа оказываетъ свое дѣйствіе на внѣшніе предметы.

Но спиритуалистической теории остается решить еще трудный вопрос, остается узнать, какъ объясняется переходъ отъ матеріальнаго къ нематеріальному, какъ тѣло воздѣйствуетъ на умъ и умъ на тѣло? Конечно очень трудно объяснить, какимъ образомъ тѣло изъ грубаго вещества можетъ превратиться въ такую субтильную вещь, какъ мысль, и какимъ образомъ физико-химическія силы, по существу еще вполне матеріальныя, могутъ приписать разуму одного рода клѣточки, воображенію другія или волѣ—клѣточки мозговой поверхности, называемыя верхними. Онѣ, говорятъ, сообщаютъ движеніе; но движеніе не можетъ ни чувствовать, ни понимать, ни хотѣть; бессознательная игра молекулъ можетъ вызвать только бессознательныя движенія. Мыслительная матерія не поддается нашему понятію, если не допустить, что кто нибудь думаетъ и вырабатываетъ эту матерію. Въ атаксіи (безпорядочный ходъ лихорадки)—болѣзни, слѣдствіемъ которой является необходимость приведеніе въ порядокъ способности передвиженія съ мѣста на мѣсто—нужно перевоспитаніе костнаго мозга при помощи головнаго, т.-е. больного нужно научить сосредоточивать свою волю и свое вниманіе, чтобы садиться, вставать и поворачиваться. Это значитъ—попросить психическія силы привести въ дѣйствіе мускульныя движенія; это значитъ также—при строгомъ контролѣ мозга измѣнить и исправить ослабѣвшій автоматизмъ. Этотъ разумный методъ совершенно не согласуется съ матеріалистическими теоріями. Кто же можетъ принудить нервныя клѣточки продѣлывать это маленькое упражненіе, если не тотъ, кто думаетъ? Какимъ образомъ можно допустить, что матеріальныя клѣточки имѣютъ магическую власть заставить вибрировать поврежденныя клѣточки, сдѣлавшіяся вялыми? Если эти клѣточки парализованы, то какъ понять, что матерія, приведенная въ движеніе силами того же происхожденія, превращается въ разумную энергію, которая заставитъ жизненныя явленія принять иное направленіе? Кто можетъ вызвать эти жизненныя явленія, если не самъ мыслящій въ то время, какъ успѣхъ этого метода зависитъ именно отъ степени его волевой энергіи? Слѣдовательно, это мыслящее „я“ не является единымъ въ отдѣльныхъ центрахъ головнаго и костнаго мозга, такъ какъ оно замѣняетъ недѣйствующіе центры, создавая новые.

Матеріалисты постоянно наталкиваются на явныя противорѣчія или нелѣпыя ошибки. Шарль Рише говоритъ, что „воля зависитъ отъ состоянія нервныхъ клѣточекъ, что это—жизненная функция, которая, какъ и всѣ жизненныя

функціи, имѣеть физиологическое начало, что она зависитъ отъ состоянія мозга и какъ самый мозгъ имѣеть свои разновидности, болѣзни, неправильности“. Да, но это значить смѣшивать причину со слѣдствіемъ и приписывать управляющей силѣ погрѣшности, принадлежащія подчиненнымъ органамъ. Мозгъ повинуется мыслящему и волевому „я“, такъ какъ воля является дѣйствіемъ нашего „я“, передаваемымъ матеріальному тѣлу сознательно, или бессознательно—посредствомъ подсознанія, или шестого чувства. Воля находится въ сознательномъ разсудкѣ; она сообщается флюидическому или астральному тѣлу, подсознательному интеллекту, который вліяетъ на тѣло бессознательно и обнаруживается органомъ случайно. Или, выражаясь еще лучше: астраль, или подсознаніе, или шестое чувство, есть дѣятель или сила, подчиненная другой независимой силѣ— разуму или душѣ, которая измѣняетъ его *сознательно*, играетъ на немъ, какъ на клавиатурѣ, останавливаетъ его или толкаетъ, руководить имъ, управляетъ, дѣйствуетъ на него по своей волѣ. Въ свою очередь этотъ астраль дѣйствуетъ на матеріальное тѣло, заставляя *бессознательно* подчиняться внутреннимъ побужденіямъ ума. Матеріальное тѣло, бездѣятельное само по себѣ, дѣйствуетъ *бессознательно* подъ вліяніемъ этого астрала—посредника между тѣломъ и силой разума, воли. Астраль—это та посредствующая сила, которой пользуется разумъ, чтобы обнаружить свою волю, свою мысль; тѣлесные органы служатъ каналами, по которымъ, въ свою очередь, протекаетъ астраль, испытывающій воздѣйствіе (данное разумомъ) въ осязаемой, дѣйствительно осязаемой области. Астраль, или шестое чувство, или подсознаніе, еще короче, сказать, дѣйствительность чувственная; тѣло—дѣйствительность осязаемая.

Итакъ, слѣдуя закону, признанному наукой, всякая функція немедленно прекращается, если органъ атрофированъ, или ослабляется, если органъ парализованъ въ теченіи извѣстнаго времени. Какъ объяснить тогда такое явленіе, что, когда органъ воли внезапно возобновляетъ свое дѣйствіе, эта способность, которая, по чисто-матеріалистической теоріи, должна была бы вернуться нескоро, можетъ снова обнаружиться такъ же свободно и съ той же быстротой и силой, какъ до болѣзни этого органа?

Какъ объяснить, наконецъ, что послѣ долгихъ лѣтъ сумасшествія разсудокъ снова получаетъ свою ясность? Но матеріалисты ничего не объясняютъ и запутываютъ все. Правда, никто никогда не видѣлъ появленія органа, прежде, чѣмъ проявились его функціи. Посредствомъ этого самаго

мозга, который сформировался *вибраціями* разума, чело-
вѣкъ способствуетъ развитію процесса жизни, объявляя мысль
продуктомъ мозга. Мозгъ есть ни что иное, какъ только
передаточный *аппаратъ*, созданный разумомъ и предназна-
ченный для того, чтобы въ случаѣ надобности выразить
мысль. Назначеніе органа—исполненіе функціи, онъ поро-
ждается жизнью и нисколько не является ея создателемъ.
Такъ какъ органъ мозга не является создателемъ волевого
акта, но повинующимся ей работъ, подчиненнымъ господству
двухъ силъ—подсознательной и сознательной, о которыхъ я
говорилъ, то, слѣдовательно, этотъ органъ, также, какъ и
всякій другой аппаратъ нервной системы, имѣетъ видъ по-
добія машины, оживленной *колебательной силой* того
всеобще оживляющаго дѣйствія, развивающагося въ насъ.

Общимъ закономъ, признаннымъ въ настоящее время
большинствомъ ученыхъ, которые рѣшительно отказались
отъ заблужденій матеріализма, является то, что все въ мірѣ
основано на колебаніи. Роша въ своемъ прекрасномъ сочи-
неніи: *Чувства, музыка и жестъ*, доказалъ, что музыкаль-
ные ноты, записанные извѣстнымъ образомъ на особомъ
чувствительномъ аппаратѣ, даютъ въ результатѣ рисунки,
опредѣленные линіи и замѣчательныя фигуры розъ и папо-
ротника. Итакъ, слѣдовательно, *колебанія порождаютъ*
фигуры, и, такъ какъ эти фигуры являются именно симво-
лами, фигурными изображеніями мысли, то мнѣ кажется,
изъ этого можно заключить, что мысль можетъ произвольно
передаваться посредствомъ вибрирующей космической силы,
которая находится въ насъ.

Заключеніе.

Это заключеніе Альдебарана мы находимъ въ иномъ
изложеніи въ *La France*.

Въ специальномъ изслѣдованіи хроникеръ этого жур-
нала находитъ доказательства опирающіяся на тѣ мысли,
которыя мы печатали въ журналѣ магнетизма съ 1886 года
и въ видѣ брошюръ въ 1888, 1890 и 1893 г.г.

Вотъ что мы нашли въ одномъ старомъ парижскомъ
журналѣ: „Съ тѣхъ поръ, какъ Шарко (въ Парижѣ), Берн-
гэймъ (въ Нанси), Азамъ и Питрекъ (въ Бордо), Грассе
(въ Монпелье), Бюро и Бурри (въ Рошефортѣ) стали совер-
шать въ области внушенія чрезвычайныя вещи, которыя
ежедневно регистрируются наукой, можно предположить,
безъ излишней самонадѣянности, что мы находимся на зарѣ

замѣчальныхъ открытій въ области нервной впечатлительности, открытій, которыя не позже, какъ черезъ 20 лѣтъ, разрушатъ до основанія дѣйствительно классическiя теорiи о веществѣ.

„Почему, наконецъ, отъказываться вѣрить, что какой-нибудь человѣкъ съ преувеличенной нервностью, при нѣкоторыхъ условiяхъ можетъ имѣть ту же мысль, что и находящееся возлѣ него лицо, можетъ даже внушить ему свою мысль или воспринять отъ него какую-нибудь его мысль.

„Нужно ли припоминать о томъ, что съ нами ежедневно случается, когда мы гуляемъ съ другомъ, одновременно появляется одна и та-же мысль, у обоихъ; или же мы иногда думаемъ о какомъ-нибудь лицѣ въ тотъ моментъ, когда мы его видимъ появляющимся изъ-за угла улицы?

„Кто жилъ въ Африкѣ, тотъ знаетъ, съ какимъ чутьемъ арабскiй наѣздникъ ориентируется въ пустынѣ, не при помощи звѣздъ или наружнаго вида почвы, а только посредствомъ запаховъ, которыми, только для него одного, обладаютъ вѣтры, дующiе въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ онъ направляется.

„Лошади, лошаки и верблюды Алжира, послѣ нѣсколькихъ дней путешествiя безъ воды, чувствуютъ близость колодца на разстоянiи нѣсколькихъ километровъ и, сбрасывая свои ноши, стремятся по тому направленiю, гдѣ онъ находится, съ такой силой, что ничто не можетъ ихъ остановить.

„Несчастные, которые больны столбнякомъ или водобоязнью—болѣзнями, при которыхъ чрезвычайно сильно возбуждается нервная система, чувствуютъ возобновленiе своихъ страшныхъ кризисовъ, когда отворяется дверь или когда вдали отъ нихъ начинается тихiй разговоръ, иногда даже въ нижнемъ этажѣ. Въ этотъ моментъ они обладаютъ необычайной способностью воспринимать звуки и чувствовать прикосновенiе воздуха даже черезъ одѣяло.

„Развѣ наши отцы не сожалѣли о насъ, когда мы имъ говорили о будущемъ процвѣтанiи электричества? Развѣ электричество не находится вокругъ насъ повсюду: въ водѣ, въ воздухѣ, въ нашемъ тѣлѣ? Сколько чудеснаго представляетъ оно для насъ еще теперь! Нельзя ли видѣть въ немъ чувствительнаго тока, служащаго для мгновенной передачи мысли однимъ субъектомъ другому?

„Итакъ, мы заключаемъ: непосредственное господство надъ мыслью другого, исполненiе того, что онъ приказываетъ, воспроизведенiе того, что было симулировано въ нашемъ отсутствiи, держа за руки свидѣтеля, или просто

находясь въ сторонѣ отъ него — все это явленія, вытекающія изъ анатоміи и психологической фізіологіи.

„Все чудесное, таинственное, сверхъестественное и невѣроятное, каковыми кажутся сегодня эти явленія, будетъ извѣстно и допустимо завтра, подобно тому, какъ стали извѣстны и допущены явленія внушенія у истеричныхъ, когда люди науки захотѣли заняться имъ съ настойчивостью и безпристрастіемъ. Болѣе широкое познаніе животнаго магнетизма, человѣческаго электричества (Кирхеръ, Чермакъ и Гюбель доказали, что животныя тоже могутъ быть подвержены гипнотизированію) дасть намъ когда-нибудь ключъ къ разрѣшенію этихъ проблемъ, передъ которыми должны будутъ преклониться нетерпимые люди, хотя они ихъ не понимаютъ, потому что онѣ доступны исключительно наукѣ и, безъ сомнѣнія, черезъ нѣсколько лѣтъ получатъ научное разрѣшеніе“.

Да, конечно, въ лабораторіяхъ, въ клиникахъ и госпиталяхъ мы вскорѣ найдемъ очевидныя доказательства того, что мы утверждаемъ слѣдующими словами:

Наука подвинулась впередъ.

Время, которое довело открытія Бертелло до высшей точки, устраняя на второстепенный планъ Лавуазье, вернуло Ньютону его прежнюю славу, доказавъ истинность его утвержденій относительно закона испусканія лучезарности, утвержденій, которыя были опровергнуты въ эпоху ихъ напечатанія.

И мы надѣемся оказать услугу человѣчеству и наукѣ, вырвавъ новый отрывокъ этихъ скрытыхъ знаній изъ мрака, который существуетъ только благодаря нашему незнанію.

Сверхъестественное не существуетъ, а только наша невозможность понять его, создаетъ въ нѣкоторомъ случаѣ тайну. Недостаточность нашихъ органовъ дала возможность возникновенію въ насъ вѣры въ чудесное: могутъ существовать только неизвѣстные законы физики и химіи, и продолжительныя усилія человѣка должны стремиться къ уменьшенію этой области, отъ которой насъ старается оборонять религія, чтобы ей было легче управлять человѣческой толпой.

Наука ведетъ насъ къ свѣту, и слава вѣковъ должна заключаться въ томъ, чтобы, изъ пятилѣтія въ пятилѣтіе, приобрѣтать наукѣ крупинки знанія, которыхъ, казалось, человѣку запрещено касаться.